

СТАТЬИ

А. В. Коротаяев, А. А. Оболонков

РОДОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ

До настоящего времени в нашей науке сохраняется достаточно отчетливая тенденция отрицания возможности существования в классовом обществе родовой организации (по крайней мере в ее живом, «непережиточном» виде). То, что род с конца 30-х годов XX в. рассматривался в нашей науке как исключительно первобытная форма социальной организации и одно время прочно ассоциировался лишь с первобытностью (а понятие «родовой строй» даже считалось синонимом первобытнообщинной формации), привело к тому, что и сам термин «род» оказался для исследователей классовых обществ как бы табуированным, а родовая организация у относительно развитых, явно непервобытных народов начинала рассматриваться как пережиток первобытнообщинного строя. Когда же стало ясно, что перед нами не пережиток, а вполне живой социальный институт, достаточно приспособленный к условиям классового общества, возникла потребность обозначить его термином, отличным от термина «род». И такой термин появился — «патронимия»¹.

Стадиально, согласно М. О. Косвену, патронимия представляла собой «общественную форму», свойственную более первобытнообщинному, чем классовому, обществу; первая фаза развития патронимии относится М. О. Косвену «к начальной стадии истории патриархально-родового строя, к стадии, которая сохраняет еще основные первобытнообщинные черты». «Вторая фаза рисует нам патронимию в ее большей или меньшей степени распадном состоянии»².

В конце 60-х — 70-е годы складывается «новая концепция патронимии»³, в соответствии с которой данная форма социальной организации присуща именно классовым обществам. В рамках этой концепции наиболее последовательно проводится мысль о «патронимии» как совершенно особой, принципиально отличной от рода и родовой общины форме социальной организации. И во многом, на наш взгляд, сторонники «новой концепции патронимии» правы. Ведь ее суть заключается в обосновании «связи... исторически поздней стадии развития родственных коллективов уже не с первобытнообщинной, а с последующими классовыми антагонистическими формациями»⁴. И не случайно А. Д. Давыдов полностью солидаризуется с главным противником «патронимической концепции» Н. А. Кисляковым, утверждающим, говоря о поздней родоплеменной организации: «Советские этнографы давно пришли к выводу, что эта родоплеменная организация имеет мало общего⁵ с классическим первобытнообщинным архаическим родом, что она отражает интересы классового общества, подчинена им»⁶. Другое дело, что представителям как «старой», так и «новой» концепции патронимии не удалось доказать, что при переходе к классовому обществу родовая организация не минует трансформации в такой степени, что появляется необходимость говорить о принципиально новой форме социальной организации. М. О. Косвен называл два отличия

патронимии от рода⁷; с одного из них мы и начнем разбор аргументации сторонников патронимической концепции⁸ (другое отличие будет проанализировано в конце статьи).

1. Важным отличием патронимии от рода М. О. Косвен считал то, что «если род сохраняет свое общее наименование, то таковое обычно легендарно и нередко имеет тотемический по своему происхождению характер. Патронимия в качестве наименования данной группы основана на реальном собственном имени действительного предка»⁹. Нетрудно видеть, что здесь сформулировано скорее вторичное отличие родовых групп разных порядков, чем различие принципиально разных стадийальных форм социальной организации.

Действительно, развитая родовая организация, как правило, имеет несколько уровней структурной иерархии, включая в себя родовые группы разных порядков: малые линиджи входят в большие, большие — в максимальные, максимальные — в субкланы и т. д. Между тем в нашей науке существует тенденция обозначать как «род» родовые группы только определенного (и, как правило, довольно высокого) порядка, а роды более низких порядков называть подкладами, субкладами, патронимиями (для позднеродовой организации), линиджами и т. д. Отметим, что термин «линидж» как обозначение родовых групп низших порядков¹⁰ представляется нам вполне удачным, однако, на наш взгляд, не всегда оправдано противопоставление линиджа роду. Л. Дрэгер, например, видит отличие линиджа от рода в том, «что происхождение в нем ведется не от мифического, а от реально существовавшего предка, что может быть прослежено и установлено»¹¹. На наш взгляд, и здесь сформулировано то же, вполне достоверное отличие родовых групп высших порядков от родовых групп низших порядков. Но отличие это — вторично, и вытекает оно именно из различий порядков родовых групп. Ведь чем выше порядок данной родовой группы, тем дальше от ныне живущих ее членов отстоит во времени ее предок-родоначальник и, следовательно, тем меньше его достоверность и выше его легендарность. Уже поэтому, если на низших уровнях родовой организации генеалогические связи почти всегда в основном достоверны, то на высших — почти всегда легендарны. Так что данный момент указывает именно на отличие друг от друга разных уровней единой родовой организации. Линидж отвечает любому из распространенных ныне¹² (и не только ныне)¹³ определений рода ничуть не хуже, чем те высшие порядки родовой иерархии, которые принято обозначать как «роды». Ведь даже экзогамность присуща линиджам в большей степени, чем родовым группам высших порядков, ибо утрата родовой организацией экзогамности идет сверху вниз, от высших уровней структурной иерархии к низшим¹⁴. Да и правами, обязанностями и т. д. родовые группы низших порядков были связаны заметно больше, чем высшие звенья родовой иерархии. Поэтому утверждения типа «род состоит из линиджей» не представляются нам достаточно корректными: ведь даже минимальный линидж представляет собой род, род первого (снизу) порядка. Для обозначения родовых групп промежуточных и высших порядков можно было бы пользоваться терминами «субклан» и «клан», которые пока не несут в нашей науке полезной семантической нагрузки. Одно из значений термина «клан» вполне передается термином «род», а другое — терминами «патронимия — матронимия — генеанимия»¹⁵.

На наш взгляд, единственное заметное стадийальное отличие первобытных родовых групп от поздних в этом отношении заключается скорее в том, что со временем предки-родоначальники мифологического характера имеют тенденцию смениться легендарными предками-родоначальниками (речь идет, конечно, о родовых группах высших порядков; в качестве предков-родоначальников родовых групп низших порядков достоверные лица начинают выступать, по-видимому, вместе со становлением концепции вертикального родства, что происходит еще в рамках доклассового общества).

2. А. Д. Давыдов полагает, что к приведенным М. О. Косвеном можно «добавить еще по крайней мере одно принципиальное отличие рода и патрони-

мии: „Сущность рода“, „основное правило рода, та связь, которая его скрепляет“, то, благодаря чему „индивиды только и становятся родом“, состоит в строжайшей экзогамии, выражающейся в том, что „никто из членов рода не может вступать в брак внутри рода“¹⁶. «А для исторически более поздней патронимии, наоборот, характерен полный отказ от этого основного принципа...»¹⁷ На наш взгляд, этот критерий является простым недоразумением, и объясняется оно, пожалуй, тем, что А. Д. Давыдов пришел к такому выводу, опираясь только на материалы Ближнего и Среднего Востока, т. е. региона, уникального именно в том отношении, что позднеродовая организация здесь практически повсеместно утратила свою экзогамность и даже перешла к предпочтительной эндогамности. Данные же по другим регионам показывают, что экзогамность могла быть свойственна и позднеродовой («патронимической») организации вплоть до самого ее разложения и даже в некотором смысле переживать последнюю¹⁸. Действительно экзогамность была присуща, например, родовым группам казахов¹⁹, калмыков²⁰, алтайцев²¹, астраханских (кундровских) татар²², удмуртов²³ (у которых, напомним, по наиболее распространенному мнению, и была открыта «патронимия»), у многих народов Кавказа²⁴, корейцев²⁵, китайцев²⁶, вьетнамцев²⁷, индийцев²⁸ и т. д. При этом, на наш взгляд, нет никаких оснований утверждать, что, скажем, экзогамные индийские «кланы» представляли собой более архаичную форму социальной организации, чем, например, афганские «патронимии», утратившие экзогамность. Перед нами, очевидно, одна и та же (позднеродовая) форма социальной организации. Другое дело, что раннеродовой организации экзогамность была свойственна в значительно большей степени, чем позднеродовой, — если в первобытную эпоху экзогамность была практически повсеместной характеристикой родовой организации²⁹, то по мере перехода к классовому обществу все большее число родовых групп начинают терять экзогамность; как тенденция подобная закономерность несомненно имела место. По-видимому, утрата экзогамности и переход к предпочтительной эндогамности был вариантом вполне адекватной трансформации родовой организации в ходе процессов классогенеза. «Экзогамная форма брака предполагала уход части имущества родственной группы в виде махра (брачного выкупа. — Прим. авторов) за ее пределы в пользу рода невесты»³⁰. «В эндогамном кровнородственном коллективе была найдена возможность не утрачивая имущества — собственности одного из членов групп, — приобретать другую собственность — девушку-невесту, которая только в будущем могла трудом в домашнем хозяйстве и деторождением окупить то, что было затрачено на ее приобретение»³¹. С другой стороны, утрата экзогамности даже одними только высшими порядками родовой организации, на наш взгляд, существенно расширяла возможности организации по родовой матрице надродовых объединений.

Но это никак не должно заслонять того факта, что достаточно часто родовой организацией (особенно на низших уровнях ее структурной иерархии) не утрачивалась экзогамность даже на самых поздних этапах своего развития, и, следовательно, этот критерий сам по себе не дает оснований судить о большей или меньшей архаичности того или иного регионального или этнического типа родовой организации. Причины утраты родовыми группами экзогамности в одних обществах и ее сохранения в других, не менее развитых, остаются в нашей науке до сих пор не изученными.

Конечно же, неэкзогамные родовые группы (например, арабские или даже станские) достаточно сильно отличаются от экзогамных (скажем, индийских или китайских)³², но, на наш взгляд, не настолько сильно³³, чтобы отказываться от общего обозначения для того типа социальной организации, в который входят оба данных вида. И, по-видимому, трудно придумать какое-либо обозначение такого типа социальных объединений, лучшее, чем «род», «родовая организация».

3. По мнению А. Д. Давыдова, «качественное отличие первобытного рода состояло в том, что он был самостоятельной хозяйственной единицей, объединенной коллективным трудом его членов и коллективным присвоением ими продуктов труда»³⁴. А. И. Робакидзе полагает, что «определяющая черта рода — родовая собственность на основные средства производства... с вытекающим отсюда... коллективным производством»³⁵. В отношении позднеродовой организации этого сказать нельзя, следовательно, она и не является родовой.

Этот критерий, на наш взгляд, не может быть принят уже потому, что указанные выше черты далеко не всегда присущи даже первобытному роду. Во многих первобытных обществах (и тогда, когда ни о каком разложении первобытно-общинного строя говорить не приходится) «род терял большую часть своих хозяйственных функций и продолжал существовать главным образом как брачно-регулирующее и надстроечное объединение»³⁶, не переставая от этого быть родом (речь здесь, отметим, идет о конце верхнего палеолита и мезолите). В. Р. Кабо считает, что даже в тех случаях, когда в доземледельческих обществах род рассматривался в качестве собственника земли, ее реальным собственником он все-таки не был; им была община³⁷. «Род был основой, фундаментальной ячейкой не на всем протяжении развития доклассового общества, а лишь на ранних этапах его эволюции», утверждает Ю. И. Семенов³⁸; и, скажем, у австралийцев и папуасов, по его мнению, род уже не был хозяйственной ячейкой³⁹. «Род в целом» не был основной хозяйственной ячейкой первобытности и по мнению Ю. В. Бромлея⁴⁰. «За исключением гипотетической стадии дислокального брака, род не совпадал с первобытным хозяйственным коллективом», — полагает Д. Д. Тумаркин⁴¹. В любом случае даже в эпоху расцвета «родового строя»⁴² в качестве «самостоятельной хозяйственной единицы, объединенной коллективным трудом ее членов», мог выступать род лишь самого низкого порядка (минимальный линидж; а если точнее, не минимальный линидж в целом, а лишь его локализованное ядро); о родовых группах более высоких порядков, составляющих неотъемлемую часть родовой организации, этого сказать уже нельзя, даже по отношению к данной эпохе⁴³.

4. Еще один, самый убедительный на первый взгляд довод: патронимия состоит из семей, а род, как известно, из семей состоять не может⁴⁴. Но здесь все дело в том, что существование локализованного рода (не только в доклассовом, но и в классовом обществе) предполагает и существование группы семей⁴⁵, главы которых ведут свое происхождение от общего предка, т. е. определенную форму общины. Патронимия в генеалогическом аспекте оказывается ни чем иным, как родом (низшего или промежуточного порядка), в локально-хозяйственном — родовой общиной; и оснований говорить о патронимии как о какой-то особой, отличной и от рода, и от общины форме традиционной социальной организации, на наш взгляд, нет.

Так как понятие «родовая община», по указанным выше причинам ассоциируется у нас исключительно с первобытностью⁴⁶, родовые общины в обществах, отличных от первобытных, предпочитают называть семейно-родственными группами⁴⁷, резидентными группами⁴⁸, патронимиями⁴⁹, кланами⁵⁰. Сами по себе эти термины никаких возражений вызвать, конечно, не могут, ибо отличие позднеродовой общины от раннеродовой несомненно⁵¹, что дает основание обозначить их разными терминами. Главное — не забывать, что речь в этих случаях идет именно о поздней общинно-родовой организации, а не о какой-то особой форме социальной организации докапиталистических обществ. «...Семейно-родственная группа (или, условно, „патронимия“) — это... форма и родовой, и общинной организации, она возникает и развивается в рамках рода, и основой „патронимической организации“, которой неоправданно придано такое самостоятельное значение, является все-таки род, хотя бы и в его поздней форме»⁵².

5. Особое значение М. О. Косвен придавал следующему отличию рода от патронимии: род является «принципиальным выражением общинного начала...

Напротив, патронимия... соединяет начала коллективистическое и частнособственническое»⁵³. Нетрудно заметить, что здесь сформулировано не различие двух принципиально разных форм социальной организации, а отличие первобытного рода от позднего, существовавшего уже в классовом обществе. То же самое отличает крестьянскую общину от первобытнокоммунистической, что, однако, не дает достаточных оснований считать их настолько разными формами социальной организации, что можно было отказаться от общего термина для их обозначения («община»). Конечно, родовая организация, например, в Китае нового времени, прекрасно приспособленная к условиям классового общества, существенно отличается от первобытнокоммунистического рода папуасов Новой Гвинеи. Но различие это никак не существеннее различия между, скажем, средневековой индийской и первобытной австралийской общинами.

С родовой организацией у нас произошло приблизительно то же самое, что в свое время наблюдалось в отношении общинной организации. Община ведь тоже когда-то рассматривалась как исключительно первобытный институт, и отсюда делался вывод о том, что в классовом обществе могут существовать лишь пережитки, остатки общинной организации⁵⁴. В настоящее время получает все большее признание точка зрения на общину как на «основную структурную единицу всех докапиталистических формаций»⁵⁵. При этом «крестьянская община... ни в коем случае не может рассматриваться как сохранившийся в недрах классового общества пережиток первобытнообщинной формации»⁵⁶. На наш взгляд, исследования последних лет показывают, что почти то же самое можно сказать и о роде, с той существенной разницей, что род представляет собой лишь возможную структурную единицу почти всех докапиталистических формаций. Так же как и община, родовая организация, как правило, не погибает с разложением первобытного общества, а переживает его, подвергаясь вместе с тем существенной трансформации, приспособляясь к условиям классового общества. Конечно, по мере становления государства значение родовой организации обычно заметно падает, но тем не менее она зачастую продолжает оставаться достаточно важным социальным институтом.

Авторы, отождествляющие родовую строй с первобытнообщинным, ссылаются, как правило, на Ф. Энгельса. Однако ссылки эти не представляются обоснованными, ибо у Энгельса родовая строй противопоставлен не классовому обществу, а государству. «Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он заменен *государством*»⁵⁷. Классическим Ф. Энгельс считал такой вариант политогенеза, когда «государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоположностей, развивающихся внутри самого родового общества»⁵⁸. Следовательно, раскол общества на классы совершается зачастую еще в рамках родового строя, и позднеродовой строй может выступать в качестве политической надстройки уже непервобытного, раннеклассового общества «Так, органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе в роде, во фратрии, в племени, а весь родовый строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»⁵⁹. Другое дело, что адекватной политической надстройкой развитого классового общества является именно государство⁶⁰.

На определенном этапе развития предклассовых и раннеклассовых обществ трансформация родоплеменной организации может выступать в течение какого-то (и иногда очень долгого) промежутка времени «периферийной» альтернативой становлению государственной организации. То есть решение новых задач, встающих перед обществом и его отдельными слоями (таких, как обеспечение надобщинной интеграции, совершенствование гарантий жизни и собст

венности, военной организации общества и даже в какой-то степени подавление сопротивления угнетенных слоев и классов), может на этом этапе решаться как через становление раннего государства, так и путем соответствующей трансформации родоплеменной организации⁶¹; совершенствование родоплеменной организации имеет при этом свой «потолок» (хотя, на наш взгляд, и довольно высокий).

Данный момент помогает, по нашему мнению, дать адекватное объяснение группе фактов, служащих для некоторых сторонников «новой концепции патронимии» решающим аргументом в ее пользу.

6. Так, А. И. Першиц придает большое значение фактам появления позднеродовой (патронимической) организации у общностей, давно ее утративших, — например, у русских поселенцев на Севере, Украине и в Сибири⁶². (К этому, кстати, можно добавить не менее показательный пример буров, у которых также регенерировала родовая организация). По мнению А. И. Першица, эти факты свидетельствуют об отсутствии генетической преемственности между патронимией и родом, и, следовательно, являются аргументами в пользу рассмотрения их в качестве разных форм социальной организации. На наш взгляд, действительно поздняя родовая организация далеко не всегда имеет прямую генетическую связь с раннеродовой: относительно многих поздних родовых групп нет никаких оснований утверждать, что они произошли из раннеродовых образований. Но то же самое можно сказать и относительно общинной организации. «...Община классового общества — совершенно особый институт, не унаследованный непосредственно от первобытности...»⁶³. Сущностное единство общинной организации на всех этапах ее развития объясняется не тем, что поздняя крестьянская община происходит из ранней первобытнокоммунистической, а общностью для большинства докапиталистических социальных организмов некоторых фундаментальных условий и характеристик общественного производства, прежде всего натуральностью и определенной случайностью результатов производства, обусловленных решающей ролью природных производительных сил по сравнению с исторически созданными. Именно это служило причиной повсеместного возникновения и существования на протяжении практически всей докапиталистической эпохи социальных механизмов компенсации естественной случайности — общинной организации. И если (например, при колонизации) общинная организация среди некоторых групп населения временно исчезала, то через некоторое время в соответствующих условиях она снова неминуемо регенерировала⁶⁴.

Но точно так же сущностное сходство всех родовых форм объясняется не тем, что поздняя родовая организация происходит из раннеродовой, а существованием целого ряда фундаментальных характеристик, общих для большинства докапиталистических социальных организмов, что порождает необходимость появления и сохранения там развитых систем социального родства, одной из наиболее разработанных и распространенных разновидностей которых и является родовая организация.

Как мы уже отмечали, родовая организация, как правило, заметно ослабевала и даже иногда исчезала по мере становления и укрепления государственной организации. Но точно так же родовая организация укреплялась в случае ослабления государственной. Вообще в классовом обществе родовая организация продолжает, как правило, существовать в достаточно развитом виде в тех местностях и социальных нишах, где слаба или по каким-то причинам отсутствует организация государственная⁶⁵. Поэтому, если определенные группы населения, утратившие родовую организацию, оказываются в сфере ослабленного действия государственной организации, в их среде регенерирует организация родовая (естественно, в ее поздней форме), что и объясняет появление позднеродовых форм среди русских переселенцев на Севере, Украине, в Сибири или буров в Южной Африке.

Примечания

¹ В нашей литературе иногда высказывается утверждение о том, что в 1931 г. в работе «Распад родового строя у удмуртов» // Уч. зап. НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР. Вып. 2 На удмуртские темы. М., 1931. С. 5—35 М. О. Косвен описал до того неизвестную форму социальной организации, названную им «патронимией». См.: *Крюков М. В.* О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации // Сов. этнография (далее — СЭ). 1967. № 6. С. 85—86 *Рапов О. М.* Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? // СЭ. 1969. № 3. С. 107; *Першиц А. И.* Проблемы типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии // Тр. Ин-т этнографии. Нов. сер. Т. 107. М., 1978. С. 151. *Куббель Л. Е.* Возникновение частной собственности классов и государств // История первобытного общества. Эпоха классового общества. М., 1988 С. 179. Утверждение это неверно уже потому, что в названной работе М. О. Косвен еще и рассматривал «патронимию» как особую форму социальной организации, употребляя этот термин исключительно в его традиционном значении, как «наименование по отцу», как «особый термин для обозначения членов большой семьи» (с. 17, 32). Те общины, которые он в дальнейшем стал обозначать как «патронимии», он рассматривал скорее как промежуточные звенья общинно-родовых структур, чем как особую форму социальной организации (с. 13). Ссылки же на данную работу М. О. Косвена, по-видимому, объясняются тем, что на нее подобным же образом ссылались и сам М. О. Косвен: *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 93.

² *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. С. 98.

³ *Робакидзе А. И.* Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа (в связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи) // СЭ. 1968. № 5. С. 93—104; его же Патронимия у народов Кавказа. М., 1973; *Давыдов А. Д.* Афганская деревня. М., 1969; его же Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1979; *Першиц А. И.* Динамика традиций и возможности их источниковедческого истолкования // Народы Азии и Африки (далее — НАА). 1981. № 5. С. 90—91; его же Патронимия // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 133—134. (Термин «новая концепция патронимии» предложен А. И. Першицем — см. *Першиц А. И.* Динамика традиций... С. 90).

⁴ *Давыдов А. Д.* Сельская община... С. 127.

⁵ Хотя, отметим, все-таки этого общего у них никак не меньше, чем, скажем, у средневековой североиндийской общины и локальной группы австралийцев (*прим. авторов статьи*).

⁶ *Кисляков Н. А.* О сущности понятия «патронимия» // Страны и народы Востока. Вып. 1 М., 1976. С. 271.

⁷ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. С. 120.

⁸ Это, по-видимому, тем более целесообразно, что в большинстве своем, на наш взгляд «отличия рода от патронимии» представляют собой не что иное, как отличия ранней родовой организации от поздней; и последовательное рассмотрение этих различий позволит лучше увидеть те линии, по которым происходит трансформация родовой организации при переходе от доклассового общества к классовому.

⁹ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. С. 120.

¹⁰ Можно сказать, что в настоящее время этот термин получил права гражданства в нашей науке. См.: *Кудрявцев М. К.* Община и каста в Хиндустане. М., 1971. С. 170—171; *Маретина С.* Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980. С. 113—114 *Першиц А. И.* Динамика традиций... С. 90—91; Введение // Свод этнографических понятий и терминов. С. 18—19. 80—81.

¹¹ *Дрэггер Л.* Линидж. // Свод этнографических понятий и терминов. С. 80. Отметим, что некоторые западные исследователи видят в этом отличие линиджа от клана. См.: *Fortes M.* Time and Social Structure // Social Structure. Oxford, 1949. P. 60; *Haviland W. A.* Cultural Anthropology N. Y., 1975. P. 424; *Radcliffe-Brown A. R.* Introduction // African Systems of Kinship and Marriage L., 1950. P. 39—40; *Tapper R.* Introduction // The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan Tapper R. (ed.). L., 1983. P. 10.

¹² «Род — экзогамная группа родственников эпохи родового строя, верящих в общее с происхождением по одной (отцовской или материнской) линии, имеющих свое название и связанных рядом прав, обязанностей и традиций». (См. *Долгих Б. О.* Образование современных народов Севера СССР // СЭ. 1967. № 3. С. 5; его же Род, фратрия, племя у народов Севера Сибири. М., 1964. С. 1—2); «Экзогамный коллектив, представляющий собой совокупность кровных родственников, ведущих происхождение от общего предка и носящих общее родовое (тотемное имя». (См. *Крюков М. В.* Указ. раб. С. 84); «Род — коллектив кровных родственников, ведущих происхождение по одной линии (материнской или отцовской) от общего предка, носящих общее родовое имя; в роде обычно соблюдалась экзогамия» (См. *Файнберг Л. А.* Род // Сов. историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1963. Стлб. 103) и др.

¹³ *Харузин Н. Н.* Этнография. Вып. 2. Семья и род. СПб., 1903. С. 161; *Ковалевский М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб., 1905. с. 166—167, и др.

¹⁴ *Ольдерогге Д. А.* Типы домашней общины и матрилинейный род у народов Экваториальной Африки // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 21—22; *Маретина Ю.* Община соседско-большесемейного типа у минангкабау (Западная Суматра) // Там же. С. *Маретина С. А.* Указ. раб. С. 100, 103—104, 107—108; *Шнирельман В. А.* Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов, высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 359.

- ¹⁵ *Маретин Ю. В.* Указ. раб. С. 124.
- ¹⁶ *Давыдов А. Д.* Сельская община... С. 123; А. Д. Давыдов дает здесь ссылку на Ф. Энгельса (*Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 88). На наш взгляд, ее нельзя признать обоснованной. Приведенные А. Д. Давыдовым цитаты взяты им из характеристики, данной Энгельсом архаическому роду ирокезов, и, «разумеется, на той ступени развития, на которой мы застаем ирокезов, запрещение брака внутри рода нерушимо соблюдается» (Там же. С. 88). Среди же «оснований афинского рода» Ф. Энгельс называет и следующее: «Взаимное право и обязанность в известных случаях вступать в брак внутри рода, особенно когда дело касалось девушек-сирот или наследниц». (Там же. С. 101). И это неудивительно, ведь род греков «уже отнюдь не архаический род ирокезов» (Там же. С. 100).
- ¹⁷ *Давыдов А. Д.* Сельская община... С. 123.
- ¹⁸ *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961. С. 25. *Калов Б. А.* Осетины. М., 1971. С. 193.
- ¹⁹ *Харузин А. Н.* Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнологический очерк. Вып. 1 // Изв. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Имп. Московском Ун-те. Т. 63. (Тр. Антропологического отдела. Т. 10). М., 1889. С. 44.
- ²⁰ Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб., 1834. С. 199.
- ²¹ *Швецова М.* Алтайские калмыки // Зап. Западносибирского отдела Имп. Русского географического о-ва. Кн. 23. Омск, 1898. С. 24.
- ²² *Небольсин П.* Иногородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах // Вестн. Имп. Русского географического о-ва на 1851 г. Ч. 2. СПб., 1851. Отд. 5. С. 9.
- ²³ *Косвен М. О.* Распад родового строя... С. 14—15.
- ²⁴ *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890. С. 6, 72, 90, 106; *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. С. 25. Поэтому неудивительно, что другой видный сторонник «новой концепции патронимии» — А. И. Робакидзе — не рассматривает экзогамность как критерий отличия рода от патронимии, ведь он работает именно на кавказском материале. Существование экзогамных «патронимий» отмечает и А. И. Першиц (*Першиц А. И.* Патронимия... С. 133).
- ²⁵ *Ионова Ю. В.* О социально-экономических отношениях в Корее XIX в. // Социальная история народов Азии. М., 1975.
- ²⁶ *Писарев А. А.* Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае в 20—30-е годы XX в. М., 1986. С. 26.
- ²⁷ *Мухлинов А. И.* Вьетнамская сельская община // Социальная организация народов Азии и Африки. С. 215.
- ²⁸ *Кудрявцев М. К.* Указ. раб. С. 171—172.
- ²⁹ Хотя потеря экзогамии, особенно родовыми группами высших порядков, могла иметь место и очень рано (папуасы-форы, ленду в Африке). См. *Шнирельман В. А.* Указ. раб. С. 359.
- ³⁰ *Негря Л. В.* Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V—VII вв. М., 1981.
- ³¹ Там же. С. 82; см. также *Першиц А. И.* Из истории патриархальных форм брака (нахва — ортокузенный брак у арабов) // Краткие сообщения Ин-та этнографии (далее — КСИЭ). 1955. № 24. С. 55.
- ³² Так что, безусловно, имеет смысл употреблять специальные обозначения для родов экзогамных и утративших экзогамию.
- ³³ И уж никак не сильнее, чем родовая, например, община отличается от соседской.
- ³⁴ *Давыдов А. Д.* Афганская деревня... С. 10.
- ³⁵ *Робакидзе А. И.* Особенности патронимической организации... С. 100.
- ³⁶ *Файнберг Л. А.* Возникновение и развитие родового строя // Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., С. 75: *его же.* Раннепервобытная община охотников, собирателей, рыболовов // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. С. 211.
- ³⁷ *Кабо В. Р.* Предисловие // *Берндт Р. М., Берндт К. Х.* Мир первых австралийцев. М., 1981. С. 6—7; *его же.* Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 9—10.
- ³⁸ *Семенов Ю. И.* О некоторых теоретических проблемах истории первобытности (по поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации») // СЭ. 1968. № 4. С. 76.
- ³⁹ *Его же.* Проблема начального этапа родового общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 222.
- ⁴⁰ *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 185.
- ⁴¹ *Тумаркин Д. Д.* К вопросу о сущности рода // СЭ. 1970. № 5. С. 95.
- ⁴² Если рассматривать ее, конечно, как эпоху максимального распространения родовой организации и относить к неолиту, а не отождествлять с эпохой дислокального брака.
- ⁴³ *Шнирельман В. А.* Указ. раб. С. 360—362.
- ⁴⁴ *Крюков М. В.* Указ. раб. С. 85—86; *Давыдов А. Д.* Сельская община... С. 122; *Алаев Л. Б.* Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М., 1983. С. 12.
- ⁴⁵ Естественно, с тех пор, как возникает семья. Впрочем, существование семьи как до некоторой степени автономной (но не основной) хозяйственной ячейки достаточно уверенно фиксируется археологами уже в верхнем палеолите. См.: *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и происхождение homo sapiens. Л., 1968. С. 154—155; Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей. С. 12; *Бибииков С. Н.* Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // Сов. археология. 1969. № 4. С. 9—13. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1975. С. 116.

⁴⁶ Между прочим Ю. И. Семенов, на наш взгляд, дал достаточно аргументированную критику отождествления родовой общины с первобытнокоммунистической (*Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 8—10; его же. О стадильной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 88—89*). Мы только не склонны вслед за Ю. И. Семеновым отказаться от самых понятий «родовая» и «соседская» община. На наш взгляд, подразделение общин на «родовые» и «соседские» очень полезно в качестве их дополнительной формальной классификации. При этом, конечно необходимо иметь в виду, что первобытнокоммунистическая по существу община может и не быть родовой, а община, родовая по форме, совсем не обязательно является первобытнокоммунистической.

⁴⁷ *Абрамзон С. М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии // КСИЭ Вып. 28. М., 1958. С. 28—34.*

⁴⁸ *Маретина С. А. Указ. раб. С. 96—138.*

⁴⁹ *Давыдов А. Д. Сельская община...; Робакидзе А. И. Патронимия у народов Кавказа*

⁵⁰ *Алаев Л. Б. Указ. раб.; Писарев А. А. Указ. раб.*

⁵¹ Отметим между прочим, что поздняя родовая община существует, как правило, не как максимальная община, представляющая собой самостоятельный социальный организм, а скорее как субобщина, входящая в качестве элемента в сельскую общину, хотя и из этого правила имеются некоторые исключения (*Писарев А. А. Проблемы типологии китайской общины (первая половина XX в.) // Вопросы истории Китая. М., 1981. С. 79; Тяпкина Н. И. О клановой организации в китайской деревне // Социальная и социально-экономическая история Китая. М., 1979. С. 182—184; Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община. С. 9—10*). Вместе с тем многоуровневые общины, включающие в себя несколько родовых общин, появляются в качестве достаточно распространенной формы уже в неолите, т. е. вместе со становлением развитой родовой организации (*Шницерман В. А. Указ. раб. С. 373—376*). Конечно, особенно сильно поздняя родовая организация отличается от ранней с точки зрения внутреннего функционирования (*Першиц А. И. Динамика традиций... С. 91*). Впрочем, поздняя сельская община с этой точки зрения не менее сильно отличается от первобытнокоммунистической.

⁵² *Абрамзон С. М. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ // СЭ. 1970. № 6 С. 72.*

⁵³ *Косвен М. О. Семейная община и патронимия. С. 120. По существу в том же видит главное отличие патронимии от рода и А. И. Першиц (*Першиц А. И. Динамика традиций... С. 91*).*

⁵⁴ См.: *Алаев Л. Б. Указ. раб. С. 7.*

⁵⁵ *Ольдерогге Д. А., Маретина С. А. Предисловие // Социальная организация народов Азии и Африки. С. 3.*

⁵⁶ *Семенов Ю. И. О стадильной типологии общины. С. 85; см. также: его же. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. С. 37—86; Алаев Л. Б. Проблемы сельской общины в классовых обществах // Вопр. истории. 1977. № 2; его же. Сельская община в Северной Индии. С. 6—11.*

⁵⁷ *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 169.*

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 164—165.

⁶⁰ Там же. С. 165—174.

⁶¹ С другой стороны, трансформация родовой организации (в особенности в «кониический клан» может быть важным моментом политогенеза. См. *Kirchhoff P. The Principles of Clanship in Huma Society // Davidson Journal of Anthropology. V. 1. 1955. P. 1—11; см. эту работу также в: Reading in Anthropology. V. 2. Readings in Cultural Anthropology. N. Y., 1959. P. 259—270; Крюков М. Е. Социальная дифференциация в древнем Китае // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 205—215; Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1982. С. 31—32; его же. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 80—82.*

⁶² *Першиц А. И. Патронимия... С. 134.*

⁶³ *Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. С. 11.*

⁶⁴ Как это произошло, например, среди русских переселенцев в Сибири, см. *Кауфман А. А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907. С. 25—31.*

⁶⁵ Отметим, что, по нашему мнению, то же самое имеет в виду А. И. Першиц, утверждая, что патронимическая (т. е., на наш взгляд, позднеродовая) организация особое значение в классовых обществах имеет «в районах с недостаточной государственной защитой жизни и собственности» (*Першиц А. И. Динамика традиций... С. 90; его же. Остатки первобытнообщинного строя в классовых обществах // История первобытного общества. Эпоха классового образования. С. 510*). Подчеркнем, что, по нашему мнению, речь здесь должна идти не только о районах, но и о социальных нишах, «отдаленных» от государственной организации. Наиболее показателен пример североиндийской общины, где родовая организация доминировавшая в ней каст выполняла наряду с прочим и такую специфическую функцию, как удержание в подчинении низших эксплуатируемых слоев общины (хотя, может быть, точнее было бы сказать, что родовая организация доминировавшая каст представляла собой важнейший элемент данного механизма подавления). Главной же функцией североиндийской государственной организации, в позднее средневековье выражавшей интерес одного из эксплуататорских классов («городской аристократии»), было, по-видимому, подавление и сопоставление другого эксплуататорского класса («деревенской аристократии», принадлежавше

к кастам, доминировавшим в сельских общинах) и обеспечение изъятия у деревенской аристократии части прибавочного продукта, предварительно выжатого последней у низших трудовых слоев общины. (Кудрявцев М. К. Указ. раб.; Алаев Л. Б. О характере общественного строя средневековой Индии // Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973. С. 110—129; *его же*. Сельская община в Северной Индии. С. 134—219; *его же*. Народные движения XVII—XVIII вв. в Индии в освещении советских индологов // Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии. Тезисы научной конференции. М., 1984. С. 3—4).

Г. Е. Арешян

К ОБОСНОВАНИЮ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ В ДРЕВНОСТИ

**(этнокультурные связи Юго-Восточной
и Центральной Европы
с Армянским нагорьем и Южным Кавказом)**

Исследование взаимодействия культур дописьменной древности ограничено возможностями разработки археологических источников и лингвистических реконструкций. При этом археологический анализ различных способов взаимодействия, таких, как аккультурация, заимствование, миграция, торговый обмен и др., как правило, не основывается на единых теоретических и методологических принципах. Не составляет исключения и неоднократно проводившееся в этом аспекте сопоставление различных археологических памятников Кавказа и Армянского нагорья с находками из бассейна Дуная и Балканского полуострова.

Вскоре после первых раскопок кобанских могильников Кавказа и могильных полей раннего железного века в Армении и Восточной Грузии в последней четверти XIX в. видные археологи того времени Э. Шантр, М. Гернес, Г. Вильке, О. Монтелиус, Ж. де Морган и др. отметили определенное сходство некоторых кавказских находок и европейских древностей. В дальнейшем исследователи, рассматривавшие в свете данной проблемы материалы позднего бронзового и раннего железного веков, отмечали все новые аналогии между кобанской культурой и памятниками Подунавья и Болгарии (Ат. Милчев, Д. Газдапустаи, В. И. Козенкова). Я. Харматта, А. А. Иессен и Е. И. Крупнов изучали связи гальштатской и кобанской культур в свете киммерийской проблемы.

Почти одновременно с установлением аналогичности артефактов Кавказа и гальштатской культуры Центральной Европы К. Ф. Леманн-Гаупт выделил значительную группу памятников урартской металлопластики, обнаруженных на территории Греции и Италии, интерпретации которых впоследствии был посвящен ряд работ Б. Б. Пиотровского.

Памятник среднего (по номенклатуре переднеазиатской археологии) бронзового века в аспекте культурных связей Армянского нагорья, Кавказа и Европы стали рассматриваться значительно позднее. За исключением работ Ж. Дешелетта и А. Захарова, написанных в 1910—1920-х годах, основная часть критских и микенских параллелей памятникам Армении и Грузии среднего бронзового века была отмечена Б. А. Куфтиным и Б. Б. Пиотровским, а позднее О. М. Джапаридзе и автором настоящей статьи.

Вопрос о связях культур Армянского нагорья и Южного Кавказа с Юго-Восточной Европой в раннем бронзовом веке, а также на рубеже раннего и среднего бронзового веков рассматривался на более ограниченном материале и нашел отражение в исследованиях Ж. Дейе и А. И. Джавахишвили.